

М.М. ЧОРЕФ

К ВОПРОСУ О НОМИНАЛАХ БРОНЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

посвящается Кристине Чореф

Известно, что основной задачей нумизматики является всестороннее изучение монетного материала. Так, к примеру, специалист в этой отрасли знания обязан, как минимум, не только определить эмитента, дату и место выпуска, металл или сплав, из которого был изготовлен объект исследования, но и выяснить его номинал. Однако лишь немногие нумизматы стараются описывать монеты в этом ключе. Более того, до настоящего времени так и не были выработаны методы иконографического определения денежных номиналов, наиболее очевидного для их современников. Конечно, для датирования культурного слоя не принципиально выяснение достоинства монетных находок. Но, в случае, когда из-за недостатка специальных знаний вероятность точного определения не высока, то малейшая ошибка в трактовке текстов или изображений на них может привести к неверной атрибуции всего археологического объекта.

Отметим, что на начальных этапах изучения, подобные проблемы вставали перед исследователями, изучавшими состав денежного обращения почти всех античных и средневековых государств. Однако с ходом времени, в научный оборот вводились многочисленные более или менее обоснованные теории, по мнению их создателей, способные разрешить эту проблему. Особо удачные гипотезы были разработаны учеными, старающимися учитывать разнообразный фактический материал, т.е. привлекать не только нумизматические, но и археологические, и эпиграфические источники, а также тщательно анализировавшими хроники, в которых содержатся сведения, актуальные для темы их исследования.

В настоящее время особо сложное положение сложилось в отрасли нумизматики, специалисты которой исследуют монетное дело Херсона. Дело в том, что за более чем 200 лет изучения, лишь немногие нумизматы попытались определить достоинство разменных денег его чекана или литья [1]. К примеру, по В.А. Анохину при Юстиниане I

(527–565) в Херсоне чеканили пентануммии [2]. Позже Н.А. Алексеенко высказал свои предположения о номинале хорошо известных бронз этого города с «Ρω» на аверсе [3]. Однако к настоящему времени практически не предпринимались попытки рассмотреть в этом аспекте большинство типов монет Херсона, отлитых в VIII–X веках. В то же время, спорность атрибуции ряда бронз его производства, волей судьбы пригодных для освещения наименее изученного периода истории этого города, т.е. VIII–IX веков, требует внимательного повторного анализа нумизматического материала. Надеемся, что наши предположения о датировке и о номиналах монет, выпускавшихся в Херсоне в VI–X веках [4], помогут в этом деле.

Мы выбрали данный исторический промежуток, так как в это время в городе были отлиты как наиболее известные, так и самые редкие его бронзы, как правило, не имеющие обозначения достоинства. Дело в том, что сама технология монетного производства в Херсоне не позволяла размещать на их лицевых или оборотных сторонах сложные легенды, содержащие сведения об эмиссиях и номиналах, а также изображения правителей, как было принято на византийских монетах того времени. Это обстоятельство значительно затруднило их датирование. Однако возможность выявить номинал большинства из этих литых бронз, как нам кажется, позволила бы не только сопоставить результаты их исследований с известными фактами из истории денежного хозяйства Византии, что, естественно, не только упростило бы их атрибуцию, но и дало бы необходимые сведения для освещения исторических процессов, происходивших в Херсоне в тот период.

Есть мнение, что первые литые монеты, появившиеся в денежном обращении Херсона, являлись подражаниями местной меди Юстиниана I (Рис.1,1). Как считает их первооткрыватель В.А. Анохин, эмиссия этих имитаций происходила во второй половине VIII века. Исследователь объясняет ее возникшим

в тот период недостатком средств платежа [5]. Мы, в свою очередь считаем, что эта единственная предположительно литая монета на самом деле просто сильно корродированный чеканный деканумий из серии «VICTOR», находившейся в обращении до 539 г. [6]. В любом случае, литые монеты такого типа появились в обращении значительно раньше, во второй половине VI–начале VII века, т.е. до начала контрамаркирования при Ираклии (610–641) [7]. Не можем мы согласиться и с предположением В.А. Анохина о номинале этой бронзы. Ведь пентанумий, активно используемый в VI веке, уже в начале следующего столетия фактически выпадал из обращения [8]. А о том, что предположительно литые подражания деканумиям серии «VICTOR» не ходили в начале VIII века говорит и отсутствие на известных экземплярах надчеканок, широкомасштабно используемых в Херсоне при Ираклии для клеймения как мелкой местной, так и крупной позднеримской и византийской меди.

Попытаемся определить номинал остальных, бесспорно литых бронз этого города, также не имеющих соответствующих обозначений. В поисках необходимой информации обратимся к разработанным к настоящему времени теориям, способным, по мнению их создателей, осветить эту проблему. К примеру, попытаемся осмыслить уже введенную в научный оборот гипотезу В.А. Анохина о причинах преобразований в денежной сфере Херсона в начале VII века и их последствиях. Хотя определение достоинств чеканных монет этого города, выпускавшихся в тот период, на данном этапе изучения не является нашей первоочередной задачей, мы все же будем вынуждены оспаривать до сих общепринятое предположение этого исследователя, пытавшегося объяснить контрамаркирование провинциальной, позднеримской, боспорской и византийской меди, в том числе и местного чекана, как результат унификации денежного обращения при Ираклии, после которой продолжали ходить только фоллисы, гемифоллисы и пентанумии, перечеканенные из всех прежде ходивших мелких монет. Дело в том, что создатель этой теории не учел того, что объектами надчеканки стали не только бронзы античных государств и Херсона, не имевших стандартных для Византии обозначений номинала, но и медь в 20 и 10 нуммий, чеканенная при предшественниках этого правителя. Мы вынуждены заметить, что гипотеза В.А. Анохина не только не подходит для объяснения процессов, происходивших в тот период в денежном обращении этого

города, но и не учитывает современные ему реалии в монетном деле Византии. Дело в том, что при Ираклии по всей империи происходило цикличное облегчение веса вновь выпущенной меди, в результате чего наблюдалась массовая перечеканка обращавшихся прежде разменных денег, приведшая к постепенному выпадению из обращения всех мелких номиналов. Естественно, этот правитель не мог принимать мер с целью «унифицировать все разнородные типы разменных денег, ходивших в городе после прекращения собственной чеканки, приравняв их к номиналу 5 нуммий» [9]. Вероятно, контрамаркирование обращавшейся на денежном рынке меди проводилось не с целью понизить её достоинство до уровня совершенно обесценившихся в тот период монет, а, наоборот, поднять его для обеспечения хозяйства в должном объеме средствами платежа. Не вдаваясь в рассуждения о номиналах позднеримских монет, а также, не касаясь устоявшихся представлений о контрамарках Ираклия [10], считаем нужным отметить, что прослеживаемая реформа должна была, и, вероятно, привела к узаконению сложившейся к тому времени рыночной оценке мелкой меди, которую мы и попробуем установить.

Для начала, с целью определить причину и последствия преобразований в денежной сфере при этом императоре, обратимся к материалам по экономической истории Византии VII века. Известно, что хроническое падение веса фоллиса, начавшееся при Ираклии, продолжалось и при его преемниках. Следовательно, неоднократно проводимые при василевсах его династии перечеканки меди не могли проводиться для «унификации» ходячей монеты. Судя по тому, что контрамаркирование разменных денег в тот период сопровождалась битьем новых выпусков из фракций прежних, относительно тяжеловесных, то получается, что целью преобразований была попытка наполнить казну путем максимально интенсивного использования монетной регалии.

Об остроте момента говорит и возвращение в денежное обращение Херсона бронз античных государств. Судя по обильным находкам, в тот период вместе с ними в качестве разменных денег использовали и не контрамаркированные монеты прежних выпусков. Мы не считаем эту ситуацию ненормальной. Дело в том, что, как уже было отмечено выше, острая потребность в мелких деньгах должна была привести к поступлению в обращение всех бронз, подлежащих надчеканке, даже без ее следов. Вероятно,

власти города вынуждены были некоторое время мириться с этим.

В любом случае, если бы преобразования в денежной сфере при Ираклии и были обусловлены насущной потребностью в унификации средств платежа, то, в любом случае, они не могли привести к долговременному насыщению обращения разменной монетой. Сам факт реформ свидетельствуют о хронической нехватке мелких денег в тот период.

К сожалению, мы вынуждены отметить, что большинство современных исследователей считает ситуацию, сложившуюся в первой половине VII века в Херсоне нормальной. Но, если учесть, что в ходе неоднократных денежных реформ в Римской империи, к примеру, самых известных: Диоклетиана (284–305) [11], Константа (337–350) и Констанция II (337–361) [12], а также Анастасия I Дикора (491–518) [13], в обращение, взамен ранее эмитированных, поступали новые виды разменных денег, то получается, что в городе продолжали использовать в качестве средств платежа обесцененные ниже стоимости металла монеты, котировать в которых византийскую валюту того времени без современного математического образования было бы невозможно [14]. Мы считаем эту чрезвычайно распространенную точку зрения ошибочной, а нумизматам, придерживающимся её, советуем подумать о целесообразности их датировок. Ведь, если они правы, то привлекать результаты нумизматических исследований в археологии было бы бессмысленно.

Мы уверены, что отмеченное массовое поступление в денежное обращение Херсона бронз, эмитированных за 200 и более лет до того в ту эпоху нельзя считать ordinарным явлением [15]. Оно является показателем острой нехватки платежных средств. Возможно, на монетном дворе Херсона в тот период отказались от относительно дорогой и трудоемкой процедуры переплавки изъятых из обращения старых монет и изготовления из их металла новых разменных денег. Ведь куда проще было надчеканить их, и, таким образом, получить столь необходимую разменную медь. А так как для контрамаркирования использовался один штамп, то всем им было присвоено одно достоинство. В таком случае, для определения этого нового номинала нам достаточно будет установить первоначальную стоимость в византийской валюте крупнейшей бронзы, надчеканенной в ходе этой операции. Дело в том, что номинал контрамаркированных монет не мог быть меньше первоначального, так как обесценивать в ущерб казне

обращавшиеся в тот период разменные деньги было бы преступно невыгодно. К счастью, к настоящему времени определены первоначальные достоинства большинства таких бронз. Из них крупнейшими являются гемифоллисами Юстина II (565–578), чеканенные как в Херсоне, так и в других городах империи. Следовательно, в результате контрамаркирования многочисленные позднеантичные и херсонские бронзы II-VI веков были введены в обращение в качестве монет в 20 нуммий [16].

Таким образом, к середине VII века в Херсоне ходили монеты только двух номиналов: фоллисы и гемифоллисы. Причем со временем все позднеантичные и ранние херсонские бронзы с контрамарками и без, а также литые подражания пентануммиям Юстиниана I были изъяты из обращения. Их вытеснили монеты, выпущенные в первой половине VII века, достоинство которых обозначалось буквами «H» – фоллисы и «Δ» – гемифоллисы. Высокая потребность рынка в мелких платежных средствах вызвала массовое копирование бронз наименьшего из перечисленных номиналов. В настоящее время известны два типа таких литых монет: с «B» на аверсе или без этого символа (Рис.1,2,3).

Отметим, что ряд исследователей монетного дела Херсона уже высказали свои предположения о значении «B» на лицевых сторонах литых подражаний гемифоллисам VI-VII веков. Так, И.И. Толстой отнес её к литью Василия I (867-886) [17]. Правда, это определение казалось и самому исследователю спорным. В свою очередь, В.А. Анохин отнес эмиссию литых подражаний гемифоллисам ко второй половине VIII века [18]. И.В. Соколова, развивая его мысль, предположила, что их могли изготавливать на протяжении всего VIII века [19]. В процессе изучения монетного материала ей удалось проследить эволюцию оформления этих монет, что позволило выделить три их разновидности. По мнению И.В. Соколовой, если самые ранние из них были точными копиями оригинала, то со временем был совершен отход от первоначального канонического типа. На лицевых сторонах монет исследователь проследила появление большого креста в руках и нимба у правой фигуры. Кроме того, ей удалось проследить трансформацию на реверсе «Δ» в крест на Голгофе. И.В. Соколова связала эти явления с выработкой новых правил оформления монет при Юстиниане II (685-695, 705-711). Позже всех, по её мнению, в обращение поступили бронзы с «B» на лицевых сторонах, отнесенные И.В. Соколовой

к литью Вардана Филиппика (711-713) [19]. Правда, исследователь посчитала свое предположение спорным, так как не смогла объяснить наличие контрамарок с этим символом и на фоллисах Тиверия III Апсимара (698-705) [21].

Попытаемся разрешить это противоречие. К сожалению, мы вынуждены отметить, что она переоценила значение незначительных изменений в оформлении литых бронз с «Δ». Да, отмеченная И.В. Соколовой закономерность эволюции оформления аверсов имеет место. Однако, как известно, на лицевых сторонах монет, выпущенных от имени Юстиниана II и его сына Тиверия (705-711), были выбиты изображения правителей, держащих в руках большой крест [22]. Но на аверсах бронз Херсона, относимых И.В. Соколовой к литью этих императоров, только одна из фигур – правая, держит этот христианский символ. Кроме того, на его монетах правители изображались без нимбов [23]. В любом случае, медь Юстиниана II чекана Константинополя была оформлена иначе, чем представлялось И.В. Соколовой. Так, на аверсах были выбиты погрудные изображения автократора с сыном или без него, а на реверсах – стандартные для Византии обозначения номиналов. Нам не известна и медь этого правителя с изображением Христа [24].

К сожалению, и предположение И.В. Соколовой о развитии «Δ» в крест на Голгофе на их реверсах не менее спорно. Дело в том, что на оборотных сторонах вероятных прототипов этих бронз просматривается небольшой крест [25]. Видно, что херсонские монетки размещали его выше и левее, а боспорские – над «Δ», так, что он практически соприкасался с ней. На известных литых подражаниях гемифоллисам этот христианский символ помещен, как правило, над обозначением номинала. Следовательно, их прототипами могли быть только боспорские бронзы, вероятно, Маврикия Тиверия. Скорее всего, в этом городе было налажено производство нескольких разновидностей литых гемифоллисов [26].

Как видим, отмеченные И.В. Соколовой явления носят случайный характер. Можно предположить, что в результате эксплуатации формы, периодически разрушавшейся в результате воздействия с расплавленным сплавом и регулярно подправлявшейся, происходило значительное искажение изображений, выражавшееся не только в огрублении сложных элементов оформления, к примеру, фигур людей, но и в слиянии или к утере относительно простых и заметных

геометрических фигур и символов. Возможно, в результате этого произошло объединение «Δ» и креста.

Считаем, что предположения И.В. Соколовой о закономерности в развитии этого монетного типа явно спорны. А попытка отнести начало преобразований к первому правлению Юстиниана II завела исследователя в тупик.

Пользуясь случаем, приведем и наши соображения, позволяющие, как нам кажется уточнить датировки этих литых бронз. И так, судя по сохранению прежнего обозначения достоинства, первый из перечисленных знаков не был помещен с целью изменения номинала. В таком случае, его наличие может свидетельствовать только о легализации обращения этих монет, т.е. является своего рода контрамаркой. Воспользуемся ситуацией и попробуем её расшифровать. Нам известно, что правители того времени использовали в качестве эмблем свои монограммы или первые буквы имени. Такие надчеканки помещали, как правило, на аверсах монет. К примеру, подобные контрамарки Ираклия на бронзах Херсона и Боспора хорошо известны [27]. Значит, нам остается только установить правителя по первой букве в его имени. Действительно, нам известен один из императоров Византии – Вардан Филиппик, правивший в начале VIII века и начавший свой поход на столицу из Херсона.

К сожалению, вопрос о возможности эмиссии от его имени в Херсоне еще не разрешен [28]. Мы не считаем возможным вступать в спор по этому вопросу, отметим только, что если все наши рассуждения верны, нам удалось найти еще одно подтверждение предположению И.В. Соколовой. Разделяя её точку зрения на предмет возможности денежной эмиссии в Херсоне от имени Вардана Филиппика, считаем, что она происходила в период его борьбы с Юстинианом II с целью финансирования военных расходов. В этом случае оригиналами могли служить самые распространенные и узнаваемые населением монеты, производство которых было относительно хорошо налажено и сравнительно дешево. А для узаконения их обращения, на аверсах, рядом с портретами некогда правивших императоров, была размещена его монограмма.

Выдвинутое предположение позволяет уточнить и датировку остальных серий подражаний гемифоллисам. Сама их немногочисленность и замеченная преемственность типов свидетельствует о кратковременности их производства. В то же время отсутствие на них упоминаний представителей

дома Ираклия не может быть случайным. Вероятно, городские власти наладили в тот период эмиссию копий самой распространенной в городе разменной монеты – гемифоллисов этого императора и его ближайших предшественников. Выбор оригиналов говорит о нежелании элиты Херсона считаться с Константинополем. Ведь, в противном случае, город мог выпустить чеканные или литые бронзы от имени Юстиниана II. Считаем, что литые самых ранних их разновидностей началось в начале VIII века, вернее всего, во время восстания против этого императора, а выпуски Вардана Филиппика были последней серией монет этого типа.

Вероятно, высокая потребность в мелких деньгах должна была сохраняться в Херсоне и позже. В таком случае, его монетный двор мог эмитировать в обращение монеты наименьшего достоинства. Действительно, известные к настоящему времени литые бронзы этого города, выпущенные, по мнению большинства исследователей, до прихода к власти Василия I весят не более 2,25 г при диаметре 12–15 мм. Отметим, что в тот период на византийский фоллис шло не менее 5 г бронзы [29].

Так как в настоящее время нет ни только единого мнения по вопросу о номиналах этих бронз, то мы, продолжая ранее начатое исследование [30], попытаемся высказать и обосновать свои предположения.

Итак, все литые бронзы Херсона интересующего нас периода имеют общие тенденции в оформлении. Так, на аверсах большинства из них присутствуют буквы, вероятно, монограммы имен или сокращения, а на реверсах – сокращенные надписи типа «Γ», «ΓΛ», «ΓΧ» или кресты с поперечными отрезками на окончании переключин. На остальных на оборотных сторонах были размещены символы «X» или, возможно, «A» [31] (Рис.1,4-17). Заметно, что некоторые монеты первой и второй групп имеют одинаково оформленные реверсы. На данном этапе изучения мы не ставим перед собой задачи определить и датировать эти монеты [32]. Отметим только, что изобилие типов свидетельствует о длительности их эмиссии, а выявленные соответствия в оформлении позволяют нам предполагать, что все они имели один номинал.

Попытаемся его определить. Для ускорения разрешения этой проблемы предположим, что монеты раннесредневекового Херсона могли быть только известных византийскому миру номиналов. Мы можем быть уверены в истинности этого постулата, так как, в любом случае, обилие монетных типов бронзы чекана этой империи позволяет нам с достаточно

большой вероятностью считать, что и в её северном форпосте не могли выпускать разменные деньги какого-либо неизвестного в центре достоинства. Раз так, то обратимся к трудам, посвященным монетному делу Византии. Оказывается, что в VIII–IX веках в этом государстве продолжилась наметившаяся ранее тенденция к выпадению из обращения наименьших номиналов разменных денег. Если еще при Ираклии практически перестали чеканить монеты, достоинство которых было менее декануммия [33], то при Феофиле (829–842) прекратилась эмиссия полуфоллисов [34]. Таким образом, бронзы Херсона, эмитированные в тот период, должны быть большего номинала, чем 10 нуммий, но меньшего, чем фоллис. Действительно, в Византии с VIII века чеканили только один вид таких монет – гемифоллисы. Таким образом, одновременные им литые бронзы Херсона должны были иметь тот же номинал. Последние городские монеты, оформленные в этом едином стиле, были выпущены при Василии I.

Как видим, даже не ставя перед собой задачи датировать бронзы, традиционно относимые к литью Херсона начала IX века, мы смогли установить период их обращения. Кроме того, если все наши умозаключения верны, то предположения некоторых исследователей, изучающих денежное обращение Херсона, могут быть опровергнуты выявленными фактами. Так, хорошо известные бронзы с «A» на аверсе и с «ΓΧ» на реверсе, относимые И.В. Соколовой вслед за А.В. Орешниковым к литью Александра (912–913) [35], как видим, перестали изготавливать уже к концу правления его отца.

Итак, нам удалось определить номинал литых бронз Херсона второй половины VI – первой половины IX веков. Для достижения поставленной цели нам нужно только установить достоинство монет этого города, выпущенных при правителях Македонской династии [36] (Рис.2,1–22). Мы уже приводили доводы в пользу нашего предположения, согласно которому в городе в тот период лили фоллисы [37]. Не желая утруждать читателя, заметим только, что номинал этих монет второй половины IX–X веков был установлен применяемым нами методом. Считаем нужным только заметить, что выявленное задолго до нас увеличение веса херсонской бронзы IX–X веков с 2,25 до 5,59 г является косвенным подтверждением нашего предположения.

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, нам удалось установить номиналы основной группы литых бронз Херсона. Однако результаты анализа монетного материала не должны ограничи-

ваться простой констатацией факта, что в этом городе в VIII–X веках лили деньги двух достоинств. Как мы уже писали, на монетах двух выявленных групп, т.е. гемифоллисов и фоллисов, заметны стандартные тенденции в оформлении. То есть, на реверсах бронз меньшего номинала, как правило, размещался или восьмиконечный крест, или аббревиатуры «Π», «ΠΛ», «ΠΧ» или символы «Λ», «Χ», а на оборотных сторонах крупных монет императоров IX–X веков был оттиснут или патриарший крест на трёх ступенях, или крестовидная монограмма [38]. Замеченная тенденция не может быть случайной. Подобные элементы оформления уж очень точно подходят для обозначения номиналов монет. Кроме того, подобное использование крестов разной конфигурации прослеживается на золоте и серебре Византии [39] (Рис.2, 23-27). Дело в том, что на монетах из драгоценных металлов, как правило, никаких буквенных обозначений их достоинства не использовали. А наличие на части мелкого серебра, чеканенного в западных провинциях империи в VI–VIII веков [40] обозначения номинала в нуммиях только подтверждает наше предположение. Считаем, что жители Херсона, как и прочие византийцы, могли без ошибок различать монеты по выявленным нами признакам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так как Херсон в интересующий нас период находился под влиянием Византии, то его жители активно использовали наряду с местной литой и общеимперскую чеканную монету. В дальнейшем, для обозначения достоинств денег этого города мы будем использовать наименования номиналов, принятые в этом государстве. В качестве справки приведем необходимые сведения о монетной системе Византийской империи в VI–X веков. В этот период крупнейшей ходячей монетой был солид (лат. *solidus* – прочный, массивный), введенный в обращение Константином I Великим (306–337) сначала в Трире, а с 314 г. по всей империи. Он соответствовал 1/72 римского фунта (4,55 г), т.е. 24 кератиям (греч. *κεράτιον* – стручки, караты). В Византии его называли номизмой (греч. *νόμισμα* – законная норма, полная мера, монета). Одновременно с солидом в обращение поступили и его фракции: семис (лат. *semis* – половина), тремис (лат. *tremis* – треть), содержавшие 2,27 и 1,52 г драгоценного металла соответственно. Из серебра в Византии первоначально чеканили милиарисии (лат. *miliarensis* – содержащий тысячу) и силиквы (лат. *siliqua* – стручок), весившие первоначально ок 4,5 г и 3,4 г соответственно, стоившие 1/1000 и 1/1728 фунта

золота. Позже, при Ираклии (610–641), в обращение поступили гексаграммы (греч. *ἑκσαγράμμοι* – шесть грамм, кератив), весом в 6,82 г. Их чеканили до середины VIII в. Кроме монет из драгоценных металлов ходили медные и бронзовые разменные деньги, номиналы которых обозначались в нуммиях (лат. *nummus* – мелочь, наличные деньги, денежный курс). Обозначениями их достоинства служили как греческие, так и латинские буквы. К примеру, в Константинополе на фоллисах (лат. *follis* – мешок, кошелек) выбивали «M» или «XXXX», на гемифоллисах (греко-лат. *ἡμι-φόλλις* – половина фоллиса, 20 нуммий) – «K» или «XX», на декануммиях (десять нуммий) – «I» или «X», а на пентануммиях (пять нуммий) – «E» или «V», на монетах в 1, 2, 3 или 4 нуммия «A», «B», «Г» или «Δ» соответственно. Отметим, что с ходом времени соотношение золото: серебро : медь неоднократно менялось. Но, по крайней мере, в 498–602 годах 1 солид = 2 семиса = 3 триенса = 12 милиарисиев = 24 силиквы = 288 фоллисов = 11520 нуммий (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P. The Sixth-Century Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 1. P. 213*).

² *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 98–99, 101, 103, 107. Таб. XXII, 310–314. Отметим, что исследователь для доказательства своего предположения о номиналах херсонских бронз Юстиниана I воспользовался косвенным методом. Так как нумизмату не были известны аналогично оформленные ранневизантийские разменные монеты, то для подтверждения гипотезы о переходе в Херсоне в первой половине VII века на особую денежную систему, в которой наименьшим номиналом был пентануммий, он без какого-либо обоснования выдвинул тезис об изначально высокой роли выпусков этого достоинства в финансовом хозяйстве города. Далее В.А. Анохин, излагая свою точку зрения на причины, ход и последствия реформы Ираклия, писал, что еще при Юстиниане I в Херсоне был налажен регулярный чекан пентануммиев (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С.103, 107). В связи с этим заметим, что крупные медь и бронзы с аналогично оформленным реверсом выпускали Лев I (457–474) и Зинон (474–491). По мнению Дж.П.С. Кента все эти монеты были одного номинала (*Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. London, 1994. Vol. X. P.105*). Действительно, единство оформления не могло быть случайным. В таком случае, попытаемся определить их достоинство. Известно, что при Зиноне AE1, выпускавшиеся на западных монетных дворах, весили 10–16 г и официально стоили 40 нуммий (См.: *Kent J.P.C.* Указ. соч. P.18). В свою очередь, медные монеты этого императора, в настоящее время относимые к чекану Херсона (См.: *Белова Л.Н.* Неизданные

монеты Херсонеса // СА. М.–Л., 1941. Т.7. С. 327. – №2), весят от 4 до 7 г. Если в V веке в Римской империи сохранялась единая денежная система, то достоинство бронз этого города можно установить из приведенного соотношения. Получается, что при Зиноне в Херсоне чеканили гемифоллисы. Как видим, вопрос о номиналах херсонских монет Юстиниана I все еще остается открытым. С целью приблизить его разрешение, приведем наши соображения. Мы знаем, что на реверсах разменных денег Юстина I (518–527) и Юстиниана I размещали изображения, не являвшиеся обозначениями номинала. Это Тихе Антиохийская на троне (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Byzantine coins and their values.* London, 1987. P.51, 55. №111, 133), христоматии (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Op. cit.* P.47, 49. №77, 92) и монограммы монетных центров (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Op. cit.* P.66, 75. №197, 245. Monograms 1, 2). Вероятно, они служили самостоятельными элементами оформления. Последние не сопровождалась какими-либо обозначениями монетного достоинства. Получается, что в империи ходили разменные деньги, на части которых не было необходимости размещать обозначение номинала. Но нам известно, что все они – пентануммии. Следовательно, аналогично оформленные херсонские бронзы Юстиниана I являлись монетами этого же достоинства. Отметим, что их весовые характеристики (См.: *Grierson P. Byzantine Coinage.* Washington, 1999. P.18–19) не противоречат нашему предположению.

³ См.: *Алексеевко Н.А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХС. Севастополь, 1996. Вып. VII. С. 187–191. Исследователь, сопоставив вес и размеры херсонских и сельджукских монет, пришел к выводу, что эти бронзы были одного номинала (См.: Там же. С. 189). В связи с этим мы вынуждены заметить, что в средневековье медные деньги были разменными и кредитными, следовательно, не было четкой регламентации их весовых и размерных характеристик. К примеру, монеты из этого металла, одновременные изданным Н.А. Алексеевко, чеканенные в XIII веке в Никейской, Трапезундской, Латинской империй, а также в Золотой Орде, имеют значительный разброс в весах и в диаметрах. И, если в Херсоне пытались выпустить подражания меди какого-либо государства, предназначавшиеся для внутригородского обращения, то для этого не нужно было изготавливать монеты с теми же, как и у образца, весовыми характеристиками. Ведь куда важнее скопировать изображения и легенды оригиналов. К примеру, для изготовления «медного дирхема» проще всего отлить его копию. Отметим, что прецеденты такого рода нам известны. Но литые копии каких-либо восточных медных монет из Херсона нам

неизвестны. К счастью, Н.А. Алексеевко, как видно далее из его текста, сам отказывается от своей излишне смелой гипотезы, утверждая, что в XIII веке обращались не только предполагаемые подражания сельджукской меди, но и прежде выпущенные крупные городские литые монеты (См.: Там же. С. 190). Однако, как ни странно, позже он возвращается к этой теме, пытаясь доказать что «сельджукская монета доминирует в Херсонесе на протяжении первых трех десятилетий XIII века» (См. *Алексеевко Н.А.* К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХС. Севастополь, 1997. Вып. VIII. С.5). И это с учетом того, что во всех исследованных городских комплексах большинство найденных монет было местного производства (См.: *Алексеевко Н., Костромичева Т.* Описание монет из раскопок портового района Херсонеса в 1991 году // Архив НЗХТ; *Алексеевко Н., Костромичева Т.* Описание монет из раскопок А. Романчук портового квартала 2 за 1993 год // Архив НЗХТ; *Головченко Л.Н.* Описание монет из раскопок портового квартала 2. Раскопки 1994 г. Участок А.И. Романчук // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Описание монет из раскопок Портового квартала 2 Херсонеса. 1978 // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Описание монет из раскопок юго-восточного участка портового квартала 2 Херсонесского городища. 1988 год // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Описание монет из раскопок портового квартала 2 Херсонесского городища. 1990 г. Раскопки А.И. Романчук // Архив НЗХТ), а привозных было относительно мало, причем они были не только султанов Рума, но и императоров Византии, Никей и Трапезунда, государей крестоносцев, а также Артукидов Хисн-Кайфы и Хорезмшахов (См.: *Алексеевко Н.А.* К вопросу о деятельности... С.187-190; *Алексеевко Н.А.* К вопросу о денежном обращении... С.5). Вероятно, нумизмат всеми силами стремится обосновать свой тезис об исключительном влиянии Сельджукидов на Херсон в XIII веке, выдвинутый им еще в 1987 г. (См.: *Алексеевко Н.А.* Из истории денежного обращения Херсона в XIII в. // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тезисы докладов конференции молодых ученых. Севастополь, 1987. С.30–31). В любом случае, сама авторская методика обоснования предположений не столько способствует разрешению проблемы, сколько запутывает исследователя. Действительно, монеты пригодны для датировки комплексов. Однако уверенность Н.А. Алексеевко в том, что в Херсоне практиковалось длительное, до 200-300 лет обращение местных бронз, как минимум исключает использование нумизматических материалов как исторических источников. Мы считаем, что приведенный пример лишний раз убеждает в необходимости

тщательного и непредвзятого исследования монетных находок.

4. Эта статья является только предварительным сообщением. На данном этапе исследования считаем достаточным определить только номиналы бронз этого города, по мнению большинства исследователей поступивших в обращение до 988 г., а также изложить и обосновать наши предположения по их датировке.
5. Анохин В.А. Указ. соч. С.103.
6. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 17-18 апреля 2008 года). Нижевартовск, 2008. С. 246–249.
7. В правление Ираклия были проведены две денежных реформы. В ходе первой из них, прошедшей в 610-613 гг., прошла надчеканка большей части находившейся в обращении крупной меди: на реверсах монет был оттиснут круглый штамп с монограммой имени правителя, напоминающей хризму (См.: Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. XI. С. 373; Bendall S. An 'eagle' countermark of sixth century Byzantine coins // Numismatic Chronicle, 1976. P. 230; Goehring J.E. Two New Examples of the Byzantine 'Eagle' Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:3. P. 94–96; Goehring J.E. Two New Examples of the Byzantine 'Eagle' Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:4. P. 140–141; Goehring J.E. Two New Examples of the Byzantine 'Eagle' Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:5. P. 189–190; Sayles W.G. Ancient coin collecting. Iola, 1998. P. 16). Так как хорошо известная херсонская надчеканка – т.н. «хризма» – весьма схожа с вышеописанной контрамаркой как по оформлению, так и по месту размещения, то предполагаем, что и её выбивали в тот же период и с той же целью. В ходе второй реформы, прошедшей в 630-632 гг., в обращение поступила контрамаркированная полноценная медь, вытесненная к тому времени облегченными разменными монетами (См.: Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 373). Странно, но по мнению В.А. Анохина, контрамаркирование в Херсоне прошло в один заход в первой четверти VII века (См.: Анохин В.А. Указ. соч. С.104–107).
8. Известно, что с 580-х годов пентануммии и отчасти декануммии практически выпадают из обращения (См.: Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 215). Следовательно, во времена Ираклия не было практической необходимости налаживать массовый чекан этих монет. Вообще, мы не считаем необходимым оспаривать представления В.А. Анохина о монетном деле Византии. Позволим себе высказать лишь крайне необходимые замечания. К примеру, известно, что наименьшим номиналом после реформы Анастасия I Дикора был не пентануммий, как

считает этот исследователь, а нумм. Вообще, денежное хозяйство Византии в первые два века её существования легко усваивало мелкую монету. К примеру, известны эмиссии бронз мельчайших номиналов: 1, 2, 3 и в 4 нуммия, выпускавшихся в V-VII веках как в столице, так и в провинциальных центрах (См.: Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Op. cit. P. 37, 40, 42, 47, 63, 65, 76, 79, 83, 85, 88, 98, 101, 132, 158, 160, 186, 188. №13, 31, 46, 81-82, 173, 194-196с, 249, 277–283с, 310–311, 326а–326б, 340–342, 387, 406, 571–572b, 717, 727а, 865–865b, 881). Не меньше возражений вызывают его попытки приурочить чекан анонимных фоллисов и гемифоллисов Боспора конца VI – начала VII вв. к херсонским выпускам Юстина II (565-578), Тиверия II Константина (578-582) и Маврикия Тиверия (582-602) (См.: Анохин В.А. Указ. соч. – С. 101). К примеру, специально этим вопросом занимался В.А. Сидоренко (См.: Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 355–392). Не менее спорно и прочтение В.А. Анохиным монограммы «DNTH», в которой, по мнению этого исследователя, были зашифрованы титул и имя императора Феофила (829-842) (См.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 113). Признаем, что сама идея выявить первые эмиссии фемы Херсона для многих исследователей крайне заманчива. Но, к сожалению, мы вынуждены заметить, что при этом императоре монетных легенд на латинском языке не составляли (См.: Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Op. cit. P. 320–322), а в греческом алфавите, используемом в тот период на всей территории империи, звук «Th» – первый в имени правителя, обозначается с помощью буквы «Θ», а не буквосочетания «Th». Мы не считаем необходимым оспаривать в этой статье и выводы В.А. Анохина о возможности эмиссий в Херсоне монет от имени протевонов и архонтов, на которых для обозначения эмитента якобы размещали первую букву наименования должности чиновников (См.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 127). Заметим только, что печати жителей этого города, как, впрочем, и многих сановных византийцев, были оформлены куда лучше, чем его литые бронзы (См.: Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 155–170; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. V. С. 701–743; Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. – С. 256–266; Алексеенко Н.А. Христианские сюжеты на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сборник научных трудов. Севастополь, 2001. С.45–52, 227–228; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 455–

500; *Алексеевко Н.А.* «Корсунские врата» – как отражение культа «святых мест» в византийской сфрагистике // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докладов и сообщений VII Международной Крымской конференции по религиоведению (Севастополь, 16-20 мая 2005 г.). Севастополь, 2005. С. 3; *Алексеевко Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Часть II. С.564–570; *Алексеевко Н.А.* Митрофан Смирнский – ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и их земные служители. Тезисы докладов и сообщений IX Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь 15-19.05.2007. Севастополь, 2007. С. 3–4; *Алексеевко Н.А., Смычков К.Д.* Несколько новых печатей византийского Херсона // ХС. – Севастополь. 1999. Вып. X. С. 361–370; *Смычков К.Д.* Несколько неизданных печатей Херсона // НиЭ. М., 1989. Т. XV. С. 126-128; *Збайт Н., Збайт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсона // АДСВ: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 91–97; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 66–171. Схемы III-VIII; *Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374; *Степаненко В.П.* Патрональные святые в византийской сфрагистике // Небесные патроны и их земные служители. Тезисы докладов и сообщений IX Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь 15-19.05.2007. Севастополь, 2007. С. 48–49; *Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 247–254; *Янин В.Л.* Печати Феофано Музалон // НиС. Киев, 1965. №2. С. 76–90; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1). Однако не смотря на эти досадные неточности, труд В.А. Анохина и до сих пор остается одним из фундаментальных исследований по монетному делу Херсона.

⁹ *Анохин В.А.* Указ. соч. С.108. Отметим, что христорограмма, однозначно трактуемая этим нумизматом как обозначение пентануммия, встречается как на крупнейшей меди, так и на мелком серебре Византии. К примеру, при Юстиниане I её размещали на реверсах фоллисов монетного двора Константинополя (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 60. №162a), на половинах и на четвертях силикв чекана Равенны (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 84. №319, 322). При Фоке (602-610) она появилась на гемифоллисах Кизика (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 150. №669). Странно, но В.А. Анохин упустил и то,

что монограмма Христа встречается и на фоллисах Ираклия 3–5, 11, 13, 14, 30 и 33 годов правления (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 171,173. – №805, 806, 811). Кроме того, на пентануммиях Юстина I христорограмма не являлась обозначением номинала. На реверсах этих монет обозначение достоинства – « » размещалось правее монограммы Иисуса Христа (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P.47, 49. №77, 92). Как видим, предположение исследователя о возможности использования этого знака для обозначения достоинства монеты совершенно беспочвенно. Кроме того, по поводу необходимости поиска аналогий в обозначениях номиналов на бронзах западных и восточных провинций Византии, являющейся одним из постулатов этого исследователя, мы вынуждены заметить, что в империи не было единого курса меди разных монетных центров. Так, к примеру, к концу правления Юстина II (568-676) декануммий чекана Карфагена стоили в Афинах 21 нуммий медью, выпущенной в центральных провинциях империи (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P.215). К сожалению, спорная теория В.А. Анохина дала возможность некоторым нумизматам обосновать свои ошибочные предположения об уровне жизни простых византийцев. Так, к примеру, Н.А. Алексеевко, издавая клады медных монет V-VI веков (*Алексеевко Н.А.* Новый клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. С. 48; *Алексеевко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // ХС. Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 339–354; *Алексеевко Н.А.* Новый клад монет V-VI вв. из окрестностей византийского Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 350–363; *Ковалевская Л.А., Алексеевко Н.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из окрестностей Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов. – Симферополь, 1988. С. 231–232), пытался установить скрытую в них сумму денег согласно гипотезе В.А. Анохина и определить длительность их накопления. Исследователь, доказывая верность своих предположений, привлек известные ему данные о стоимости неквалифицированного труда в Византии того периода. Из его статьи следует, что жалование водоноса составляло от 3 до 5, а каменщика не более 15 нуммий. Н.А. Алексеевко считает, что минимальный прожиточный минимум в империи в тот период составлял 10-15 нуммий в день (См.: *Алексеевко Н.А.* Клад ранневизантийских монет ... С. 343; *Алексеевко Н.А.* Новый клад монет .... С. 352–353). Странно, но по данным огромного количества уже давно введенных в научный оборот документов, рабочий люд в империи в тот период получал и

тратил значительно больше. Так, к примеру, в начале VII века водонос в Египте получал 3 номизмы в год, т.е. ок. 1,5 фоллиса или 60 нуммий в день (См.: *Morrisson C., Cheynet J.-C. Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 2. P. 864*). В начале VI века строитель в Сирии зарабатывал до двух миллиарисиев, т.е. ок. 28 фоллисов в день (См.: Сирийская хроника Захарии Митилинского, *кн.7, гл.6. // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 49*). И этих денег едва хватало на жизнь. К примеру, согласно Иешу Стилиту в Сирии уже в начале VI века литра курятины стоила 300, а яйцо 40 нуммий (См.: Там же. С.35). Кроме того, в связи с падением стоимости фоллиса до 1/36 кератия к концу правления Ираклия (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 215*), зарплаты и стоимость жизни в первой половине VII века должны были возрасти. Как видим, трактовку нумизматического материала необходимо согласовывать с данными письменных источников. Вероятно, досадная ошибка вкралась в рассуждения Н.А. Алексеенко в результате неверного понимания сведений о жизни бедноты V-VI веков. Так, по данным С. Морриссона и Ж.-П. Содини, представители этой прослойки тратили ежедневно не менее 3 нуммий в начале V века, 10 нуммий в первой половине VI века и фоллис после 570 г. (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 215*).

¹⁰ Во многих достаточно хорошо известных трудах, изданных к настоящему времени, уделено должное внимание выявлению причин и последствий надчеканки меди при Ираклии. В ходе исследования были выделены две группы контрамарок: с т.н. «хризмой» («орлом») или с монограммой правителя (См. прим. 4). Как было установлено в ходе длительных и тщательных исследований, контрамаркирование разменных денег, как правило, проводилось не с целью повысить их номинал, а для узаконения рыночной стоимости медной монеты.

¹¹ В 295–296 годах взамен бронзовых антонинианов, к тому времени совершенно обесценившихся, в обращение поступили новые серии золотых, серебряных и крупных бронзовых посеребренных монет (*Sear D.R. Roman coins and their values. London, 1988. P. 301*).

¹² В 348–350 гг. был налажен выпуск крупной бронзовой монеты с незначительным содержанием серебра (*Sear D. R. Op. cit. P.335*).

¹³ В результате реформы, проведенной в 498 г., в обращение поступила новая медная монета с относительно стабильным курсом.

¹⁴ Дело в том, что только за период с 396 по 498 гг. курс медной монеты в золоте упал более чем в 3 раза (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 212*). Недовольство населения её постоянным

обесцениванием и стало причиной реформы 498 г., проведенной императором Анастасием I Дикором (См.: *Серов В.В. Монетная реформа Анастасия I и Херсонес Таврический // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 47; Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 214*). Отметим, что многие нумизматы допускают возможность обращения позднеримской монеты в Херсоне чтобы объяснить её наличие в закрытых комплексах вместе с ординарными бронзами Византии. Так, согласно общепризнанной на данный момент точке зрения, медь античных государств могла ходить в Херсоне практически все раннее средневековье. Основываясь на этом утверждении, некоторые историки развивают теорию об особом характере денежного обращения в городе, которому якобы было свойственно длительное, до 200 лет, использование местных и привозных бронз. На самом деле, позднеантичная медь встречается в кладах, содержащих ранневизантийские монеты, сокрытых не только на всей территории империи, но и за её пределами (См.: *Kent J.P.C. Op. cit. P.CXXXIX, CXXX, CXXXIV, CXXXVI–CXXXVII, CXXXIX, CXLI–CXLII, CXLV–CXLVI, CLII–CLIII, CLV, CLIX, CLXX*). Самые поздние византийские монеты, выпавших в эти монетные собрания, были выпущены при Маврикии Тиверии (См.: *Kent J.P.C. Op. cit. P. CXXXIX*). Так как сейчас принято датировать клады по последней монете, а не по денежным реформам, то издатели отнесли их к VI веку. Мы не можем согласиться с таким подходом. Наша методика датирования монетных собраний приведена в статье (*Чореф М.М. Клад монет Крымского ханства из фондов Центрального музея Тавриды // VIII Таврические научные чтения. Симферополь, 2008. Ч.II. С. 162–170*). Считаем, что в Византии в первой половине VII века наблюдалась острая нехватка разменной монеты, в результате чего обращение усваивало всевозможные суррогаты – чаще всего уже давно выпавшую из него медь античных государств. Вероятно, некоторые из них были надчеканены. В любом случае позднеантичная монета была окончательно демонетизирована к середине VII века.

¹⁵ Считаем нужным отметить, что в Херсоне, как и во всей империи, могли одновременно обращаться монеты разных правителей, чеканивших их по одной монетной стопе. К примеру, нахождение в одном кладе бронз Анастасия I Дикора, Юстина I, Юстиниана I, Юстина II (565–578), Тиверия II Константина (578–582), Маврикия Тиверия (582–602) и Фоки (602–610) не следует воспринимать как нечто экстраординарное. Так, разменные монеты большинства этих правителей одновременно выпадали в сбережения, схороненные на

Балканах: в окрестностях Фив Беотийских, в укреплении Велики Градац, в Приолифе (См.: *Шувалов П.В.* Случайные флуктуации или преднамеренный отбор? (Три клада фоллисов последней четверти VI в.) // *Stratum plus*. Ваш археологический журнал. СПб.–Кишинев–Одесса, 1999. №6. С. 104–110), в Добрудже: в Кудалби, в Старых Белярах, в Гропени и Мовилени (См.: *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. С. 40–44). Выпасть в клады они могли только в результате каких-либо общественных потрясений, но, во всяком случае, до первой половины VII века. Отметим, что эту точку зрения разделяла и И.В. Соколова (См.: *Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ. М., 1959. Т. XV. С. 55, 57). В позднейших кладах медные монеты VI века уже не встречаются.

¹⁶ Так как в Херсоне была контрамаркирована разновременная медь нескольких достоинств, то, мы предполагаем, что в её ходе прошла ревальвация пентануммиев Юстиниана I и введение в обращение позднеримских монет, закупленных прежде казной для переделки в новые серии.

¹⁷ В настоящее время она хранится в Государственном Эрмитаже (№ 5935). Сохранилась и её бирка с автографом И.И. Толстого.

¹⁸ *Анохин В.А.* Указ. соч. С.103.

¹⁹ *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 30–33.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. Фоллис Тиверия III Апсимара с надчеканкой «В» была найден и издан К.В. Голенко. Исследователь предположил, что он был контрамаркирован на монетном дворе Боспора (См.: *Golenko K.* Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // *Hamburger Beiträge zur Numismatik*. Hamburg, 1965. Helt 18–19. S.9). Действительно, в этом городе в конце VI–VII были налажены чекан и литье разменной меди (См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 355–392). Однако В.А. Анохин считал, что эта монета была контрамаркирована штампом с монограммой Ираклия (*Анохин В.А.* Указ. соч. С.103).

²² *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 270–275. – № 1414–1415, 1420–1421, 1424, 1428, 1431, 1433, 1437, 1438, 1440–1441, 1444, 1446.

²³ Там же. P. 270–275.

²⁴ Там же. P. 271–275, №1426–1431, 1435–1438, 1445–1446.

²⁵ *Анохин В.А.* Указ. соч. Табл. XXII. № 318–321; *Соколова И.В.* Монеты и печати... Табл. III. №7; *Сидоренко В.А.* Указ. соч. Табл. I. № 7–11.

²⁶ Первым это предположил В.А. Сидоренко (См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 368, 380. Табл. I. № 12–14).

²⁷ *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 104; *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 27–28; *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 370–373.

²⁸ И.В. Соколова высказывала предположение о возможности денежной эмиссии в Херсоне от имени этого правителя, но позже от него отказалась.

²⁹ К середине IX века монетная стопа византийской меди значительно поднялась. Вероятно, нормализация положения на границах империи при консолидации политической элиты вокруг первых представителей Македонской династии привели к подъему в экономике империи. В результате этого в обращение поступила относительно полноценная разменная медь. Так, если вес фоллиса при Константе II (641–668) составлял 3–5 г, то при Михаиле II (820–829) он поднялся до 8 г (См.: *Grierson P.* Op. cit. P. 19–20).

³⁰ *Чорев М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144.

³¹ В настоящее время известна только одна монета этого типа. На её аверсе были оттиснуты буквы «МВ», а на реверсе «Λ» (См.: *Шонов И.В.* Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. С. 118. №171).

³² В ближайшем будущем мы планируем закончить это исследование и опубликовать его результаты.

³³ Хотя последние монеты этого номинала выпускались еще при Константине V Копрониме (741–775) (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 297. №1563), но уже после Константина IV Погонате (668–685) они уже фактически выпадают из обращения (См.: *Morrisson C.* Byzantine Money: Its Production and Circulation // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century*. Washington, 2002. Vol.2. P. 921.).

³⁴ *Morrisson C.* Op. Cit. P. 922.

³⁵ Отметим, что в процессе исследования монетного дела Херсона к литью Александра были отнесены два типа литых бронз. Так, А.В. Орешников все монеты этого города с «Λ» на аверсе и с «ΠΧ» или крестом на реверсе датировал правлением этого монарха (См.: *Орешников А.* Материалы древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 28. Табл. II.22; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Оттиск из III тома «Трудов Московского Нумизматического Общества». М., 1905. С. 10. №31. Табл. II. Рис. 22; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты. (Дополнение) // НС. М., 1911. Т.1.С. 110. Табл. В. Рис. 13). С ним согласна и И.В. Соколова (См.: *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 42–43. Табл. VIII, 12,13). Однако по В.А. Анохину эти бронзы были отлиты при Михаиле III (842–866) от имени городских архонтов (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 125. Табл. XXIII, 337, XXIV, 349). Считаем, что в данной статье нет необходимости приводить соображения по этому вопросу. Уже

разнобой в датировках монет нам кажется показательным. В ближайшем будущем мы собираемся ввести в научный оборот наши атрибуции этих монет.

³⁶ Ограничив временные рамки исследования, мы оставляем за собой возможность привести и обосновать в отдельной работе нашу теорию, позволившую, как нам кажется, датировать и определить номиналы поздних монет Херсона: с «κΒω» и «Ρω» на аверсах.

³⁷ Чореф М.М. Новый тип... С.137–144.

³⁸ Как и большинство исследователей, мы считаем, что изображения Льва VI и Константина VII были оттиснуты на аверсах херсонских монет.

³⁹ Так, в VII-X веках на реверсах крупнейших золотых и серебряных византийских монет обычно помещали патриарший крест на трёх ступенях, на их фракциях восьмиконечный крест, иногда с добавлением дополнительного элемента – шара.

⁴⁰ Во второй половине VI–VIII веках в западных провинциях Византийской империи выпускали серебряные монеты в 250, 200, 125, 120, 100 и в 30 нуммий, а также в $\frac{1}{2}$ и в $\frac{1}{4}$ силиквы (См.: Харитонов Х. Серебро на Византия. Велико Тырново, 2003. С.167, 171, 173–200, 213. № 378–380, 393–396, 396а, 400–488; Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Op. cit. P. 76, 84, 98, 101–102, 112, 113, 130–131, 136, 140, 153, 156, 157, 186–187, 193–194, 216, 225, 227, 238, 243, 250, 254, 262, 268, 269, 274, 278, 282, 284, 290–291, 299, 300. №253, 313–322а, 392–392b, 411–415, 464, 465, 471, 551–555, 593, 614–615а, 682–683, 702, 711, 869–871а, 905–909, 1048–1052, 1124–1125с, 1135–

1138, 1193, 1230, 1232–1233с, 1237, 1265с–1265d, 1308–1309, 1352, 1357, 1404а, 1405, 1410, 1444а–1444с, 1461а, 1482а, 1501, 1534а–1524d, 1579, 1582с). Эмиссия мелкого серебра происходила в Карфагене и в городах Италии. В центральных областях Византии деньги таких номиналов из драгоценных металлов не чеканили. Так как в западной части империи чеканили монеты одного достоинства в меди и в серебре, то получается, что часть жителей этих провинций отказывалась принимать деньги из недрагоценного металла. Впрочем, местное население этих регионов до конца VI века использовало монеты варварских королевств (См.: Соколова И.В. Клады византийских монет... С. 52; Mosser S. A bibliography of Byzantine coin hoards // Numismatic Notes and Monographs. New York, 1935. P. 33, 56, 78, 100). Отметим, что большая часть этих серебряных номиналов перешла в монетное дело Византии из денежных систем государств вандалов, остготов и гепидов (См.: Харитонов Х. Указ. соч. С.205–210; Morrisson C., Sodini J.-P. Op. cit. P. 216). Считаем, что мельчайшее серебро эмитировалось для расчетов с варварами-наемниками. По крайней мере, оплата их услуг была основной статьёй расхода во всех завоеванных при Юстиниане I западных провинциях (См.: Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 518).

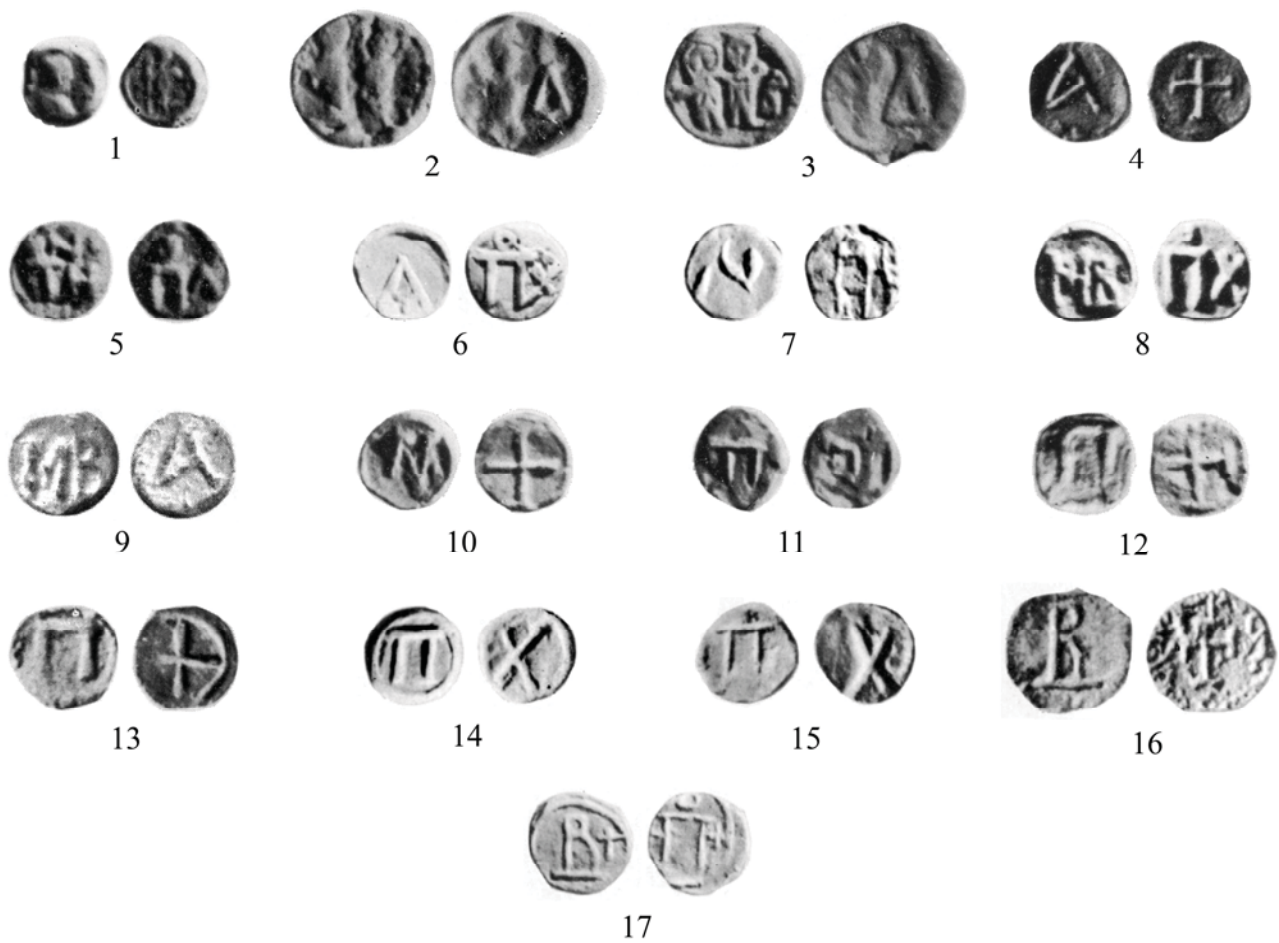

Рис. 1. Предположительно и бесспорно литые бронзы Херсона VI–X вв.

1 – предположительно подражание декануммию Юстиниана I; 2,3 – копии гемифоллисов второй половины VI в.; 4-17 – гемифоллисы VIII–IX вв.

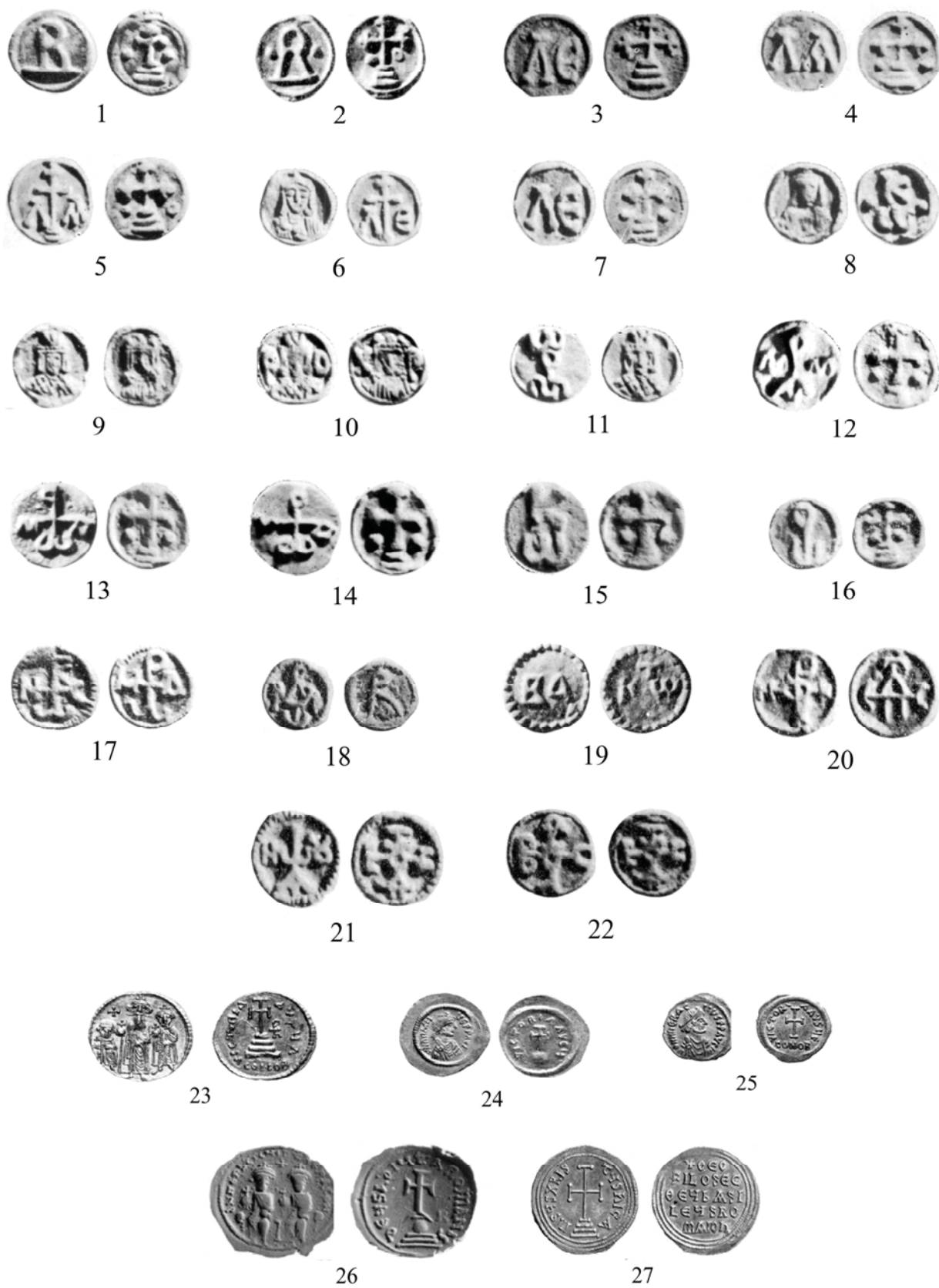

Рис. 2.

1-22 – литые фоллисы Херсона IX-X вв.; 23-26 – солид, семис, тремис и гексаграмм Ираклия;
27 – милиарсий Феофила.